

СЕРИЯ АнтиХаос

БЕЗМОЛВИЕ
ЦВЕТА Green

Михаил ФОРР

16+

Михаил Форр
Безмолвие цвета Green

«Автор»

2019

Форр М.

Безмолвие цвета Green / М. Форр — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-98653-4

Расследование неожиданной смерти, проведенное Степаном Жимолостью по прозвищу Стэн, внезапно переплелось с любовной историей времен Ивана Грозного. Степан – человек с редчайшей профессией фитопсихолога. Он не только воздействует на людей с помощью растений, но и каким-то загадочным образом слышит «голоса» цветов, которые многое могут рассказать. Вот они-то и помогают приоткрыть одну почти мистическую тайну лекаря русского царя – голландца Эйлофа. Его тайная и самая большая любовь – боярская дочь, зеленоокая красавица Евдокия украдена опричниками для царских утех. Эйлоф решается на месть.

ISBN 978-5-532-98653-4

© Форр М., 2019

© Автор, 2019

Содержание

"Фразы без контекста...". Вместо пролога.	5
Часть I. "Между прочим"	7
Глава 1. "Царские беседы"	7
Глава 2. "Жирнован"	11
Глава 3. "Вопросы врачевания"	16
Глава 4. "Любовь и прочие сложности"	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Михаил Форр

Безмолвие цвета Green

"Фразы без контекста...". Вместо пролога.

Эта книга появилась необычно. Не как остальные – с любви. Здесь же все началось с того, что мой близкий приятель – физик-ядерщик – не стал открывать новые свойства элементарных частиц, а тихо сошел с ума. Впрочем, немудрено при такой-то усидчивости.

И с этого момента он утверждал, что может дистанционно поговорить с любой исторической или самой прозаической личностью вне времени и пространства.

И расспросить их о чем-то важном. Самом главном. А чтобы его знания не пропали, он мне, оказывается, ближе к вечеру и позвонил.

Я был в это время на симпозиуме в другом полушарии и видел девятый сон. Его голос тогда показался мне анонсом десятого. Тут приятель урывками и начал выдавать что-то наподобие стенограммы, состоящей из обрывков бесед, эмоций и событий.

Без всякого контекста. А еще через пару часов домой пришли его родные и вызвали медиков. Вернувшись, я его потом навещал.

Однако ни сразу в тот момент, ни позже, ни даже до сих пор мне не стало очевидно, болен ли он или просто гений. Seriously. Ведь, некоторые его фразы подтвердились фактами, о которых мой друг никак не мог знать.

В общем, я не рискнул выкинуть ни строчки из этой записи, и весь его монолог так или иначе вошел в эту книгу. А начинался он с нескольких малопонятных абзацев, не привязанных ни к каким событиям:

Крылья мелькали в такт мыслям. «Сейчас прямо, затем налево. Промых.

Нет, тепло не оттуда. Чуть назад и вправо». Вот то, что нужно.

Сейчас только присесть на изголовье кровати, хоботок на изготовку. «Ой, куда это меня отбросило-закрутило?».

– Мамка, ну зачем ты на нее тряпичей машешь? Она же живая.

А я? Я поправляюсь?

– Конечно, мой лапушка. Это просто муха-жигалка¹. Все норовит кровушки нашей попить.

Тебе лучшие? Ну, Бог милостив.

Я уж молюсь ему денно и ночью. Захворал ты, мой хороший, сильно.

Да и не мудрено. Вон, что кругом в палатах царских деется...

***

Перезвони, плохо тебя слышно. Ну что ты опять взбесилась? Ну не я же виновата, что все, кто нам нравится – это мужики. Тянут из нас время, как жилы. Укорачивают с каждой минутой. А ведь это наша жизнь, не их...

***

Это или ограбление, или просто бытовуха, по-твоему? А почему тогда мне разные начальники из главка опять звонят? И дело на личном контроле у Самого. Оборотень в погонах? Ты-то хоть ерунду, что в интернетах пишут, не повторяй. У нас оборотней и без погон достаточно...

***

---

¹ Осенняя жигалка – кровососущая муха.

Растения знают про нас такое, в чем мы никогда не признаемся. Наши мысли и впечатления у цветов в каждой клетке.

Это ведь не просто высокий уровень хлорофилла² – это наша эмоция. Порой, тот, кто молчит, чувствует стократ сильнее...

***

И пошла она в сторону Владыки Леса. Но вдруг прямая дорога запетляла среди деревьев. Сбилась женщина с пути, и не знала куда повернуть.

Лишь только Сердце неба в тот момент было ей указателем. Лес окружал ее плотным строем. Обреченно утих ветер, замолчали сладкоголосые птицы.

И пришло Зеленое безмолвие...

***

Правда, предполагая, что я в этот момент нахожусь где-то в Северной Америке, приятель по телефону сказал мне последнюю фразу на какой-то странный русско-английский манер:

Безмолвие цвета Green...

---

² Зеленый пигмент, окрашивающий растения в зеленый цвет.

Часть I. "Между прочим"

Глава 1. "Царские беседы"

– Фу-ты, какая плаксивая! Что ревешь-то, корова? Сильно спужалась? – Царь сделал большой глоток из кубка и внимательно взгляделся в лицо гостьи. От его неожиданно доброго голоса та внезапно замерла. Даже дрожать перестала. Затем робко подняла голову. И на царя уставились два пронзительных с зеленью глаза. Голос девицы был скромн, но убедителен: – Отпусти меня, государь!

– Легко сказать «пусти»! Ты чья такая будешь? – помазанник лукаво глянул на свою новую игрушку. Время от времени, изредка или чаще доставлял ему Богдашка новую усладу. Когда поговорить, а когда и потешить.

Хватал прямо на улице. И ведь ни разу не ошибся в выборе, стервец. Неизменно приходились они венценосному по сердцу статью и ликом. А вот с норовом или без – уж как повезет.

Впрочем, все реже были такие визиты – сильно сдал государь в минувший год. Хворал больно часто. Обессилел.

Правда сейчас наступило долгожданное облегчение – зря что ли лучшие лекари стараются. Грех с пользой не воспользоваться. Или попользовать со грехом.

– Прости меня, государь, если провинилась в чем. Я – Евдокия, Дионисия Шеметовича дочь. Младшая.

– Никогда прежде тебя не встречал. А «Воробья» – тятку твоего помню. Давно не видал. Верный сын боярский. Думаю, что худого про меж нами не будет и впредь.

– И я верю в это, государь! – с надеждой почти крикнула Евдокия. Да, видимо, почувствовала, что этим только дерзит Божьему помазаннику и упала на колени. – Прости! Не губи!

Государь приподнялся с груди наваленных на ложе подушек и устало зажмурил глаза:

– Люблю таких, смиренных... Эй, люди, принесите нам еще хлебного вина! О, как натопили печку, морды ефиопские – пот в три ручья! А тебе не жарко? – и снова повернулся к испуганной девушке с загадочной улыбкой:

– Сядь, дуреха! Выпей со мной! Впрочем, бабам пробовать сего напитка совсем не стбит. А вот тебе нынче можно. Давно ли велел нам «Стоглав»³ «Пить вино во славу Божью, а не во пьянство»?

И на Руси с тех пор всяко также пить не умеют. Но стараются изо всех силенок. Даром что ли по русских градам стоят царевы кабаки?

А скажи-ка, милая, как ты к любви относишься? Сладилась с кем-то? Ладно, не конфузься – не выдам. Тятка не поколотит. Коли сама не сболтнешь. Любовь – штука зело дивная. Вот вдругорядь⁴, болтали мы про схожее на трапезе.

Помню еще в год моего восшествия на престол двух монахов к ликам святых причислили. Были они сродственниками моими по крови от Ярослава Мудрого⁵.

Князь⁶ и княгиня из Мурома. Песню про их жизнь и смерть благочестивую инок Ермолай сочинил и миру явил ...

В этот момент Евдокия, хотя все также и чувствовала беду на сердце, но уже достаточно пришла в себя. И, наконец-то, смогла внимательно осмотреть царев облик на дальности в два

---

³ Сборник решений Стоглавого собора – Церковного и Земского собора 1551 года, состоящий из ста глав.

⁴ Как-то, недавно.

⁵ Великий князь киевский (XI век).

⁶ Давыд Юрьевич – князь Муромский (XIII век)

аршина⁷. Не таким она представляла венценосца по разговорам домашних и слухам на площади.

Стать и мужская красота государя была слегка преувеличенной. Скорее уже сильно одряхлевший, чем грозный или мудрый. Проплешина, огромный живот! Да и прескверный запах.

А еще усталый и немного звериный взгляд – вот что, прежде всего, бросалось в глаза. Бурчал, как старик, а самому-то еще недавно только полвека с чутком и минуло:

– Да я сейчас не про святые их деяния – про любовь. Про их сближение человежье. Лечила, значит, девица его, а взамен обещанье взяла замуж ее взять. Только не сдержал тот свое слово княжеское. Этак часто бывает.

Но лекарица все же принудила его к алтарю, до конца болячки не изгнав. Будто знала. Иначе говоря, женила на себе под угрозой скорой его кончины⁸.

Всегда ли так любовь с обмана начинается? Про мирскую любовь говорю, не о духовной речь. Возлюбить Святой дух порой много легче, чем выбрать на твой век спутника. Верно?

А может и не стоит о том сильно думать? Как говорится «Яко же сладок мед на сердце легком», – царь устало покачнулся.

Казалось, что собственный премудрый монолог показался ему в тягость. Но не привык государь дело на полдороги бросать. Лишь только хмель понемножку убавлял громкость еще недавно столь звучного ораторского баса:

– Вот боюсь, что при этой неразберихе за давностью лет совсем забудут, как на самом деле с этими иноками из Мурома было. Да еще и празднование какое по их светскому житию устроят.

Или того хуже – по сказочке, присочиненной от слагателя Ермолая. Как думаешь? Может и ошибаюсь.

Голос государя уже еле-еле доносился до ушей гостьи. Будто засыпал, уморившись. На тот момент совсем не осталось у нее страха животного.

Не то, чтобы успокоилась. Были мысли всякие. Благо давал родной батюшка ей возможность не слепо по «Домострою»⁹ подчиняться, а частенько и самой порассуждать да подумать. А другие бы «строптивницей» прозвали.

Но не зря же Евдокия у тятеньки любимой дочерью слыла. И даже грамоту какую-то девке преподал, что по тем временам другие отцы и для отроков своих не мыслили...

Отвлеклась было Евдокия, а тут громкие слова царицы будто рекой неистовой вновь на нее хлынули:

– Любовь – это вера безоглядная. Вот вел я разговоры с посланником Папы римского – хитрющим Антошкой Поссевино¹⁰, что прибыл нас с поляками мирить. А на самом-то деле хотел он наших святых с латинянскими объединить. Эко чего выдумал! Не солоно хлебавши и убрался восвояси ни с чем. Обвели мы «зверя» вокруг пальца... – государь с рассказом чуть замедлился, казалось, забыл с чего начал. Размышлял.

Потом цепко оглядел гостью с головы до пят, задерживая взор на аппетитно выступающих местах ее наряда. И определенно вызывающих у хозяина чрезмерную возбужденность. Произнес в сердцах: – Да где эти виночерпии-то?

Наконец, отвлекся. Как будто ангела вспомнил. И с охотой продолжил: – А, по сути, что? Хотели эти глупцы в рясах соединить наше истинное учение с латинянским, бесовским.

---

⁷ Аршин равен расстоянию в 0.71 метра..

⁸ Имеет ввиду «Повесть о Петре и Февронии Муромских» – литературном памятнике XVI века, историческая основа которого вызывает у специалистов много вопросов.

⁹ Сборник правил и наставлений по всем направлениям жизни русского человека XVI века.

¹⁰ Иезуит, посланник Папы римского Григория XIII ко двору Ивана IV.

Вроде повествования в них схожи, а мысли ведь временами совсем другие. Словами-то благими начали, но на деле затеяли они нашу веру изломать-перекупить. Заменить на двоедушие. А как в вере без искренности? Также и в любви.

Загляделась Евдокия, как государь в задумчивости светлые и темные фигурки резные на гладкой доске переставляет. Туда-сюда. Снова передвинет, на место вернет. Будто вспоминает, как правильно.

А доска тоже диковинная: из темных и светлых чушек квадратных набранная. Впрочем, видела она такую же в светлице у тятеньки. И даже тайно до самых высоких фигурок дотрагивалась.

– Ну а ты сама-то слышала про любовь летописную? Или читала? Грамоте обученная? Да что я спрашиваю... Одно слово – девка. Что молчишь?

Вот и вино доставили. Гришка, посылай тебя за смертью. А ведь когда-нибудь так и сделаю, – посмотрел царь на слугу так, что тот и замер – ни живой, ни мертвый.

При последних фразах собеседника Евдокия опять зримо заколотилась-задрожала, словно одолеваемая мелкими бесами праведница. Поняла, что вот и начинается что-то совсем злое. А помазанник за один присест уж поспел осушить целый кубок. И двигал его теперь в сторону Евдокии. Опять до краев полный.

– Пей! Прямо из моей чаши! Да, не бойся – не отравлю. Вот самая страшная тайна государева, – царь вертел в руках что-то, напоминающее маленькое каменное зернышко необычной расцветки. Или, скорее, этакую зеленую бронзовку – блестящего полевого жучка. Которого и кинул прямо в свой сосуд: – Смарагд¹¹ это бесценный. От всех ядов помогает! Пей!

Ведь будто видела она уже нечто подобное. Да не просто случаем обошлось, а давно уже знакома была с этим амулетом каменным. Переменилось что-то во взгляде девушки. Как молния зеленая в глазах отразилась.

Мелькнула и исчезла опять в грозовых тучах. Только брови сошлись-схмурились. Да и кончики пальцев чуть пошевелились. Еще немного и, казалось Евдокии, что сейчас в ее стискивающихся кулачках засвистит сжатый с нечеловеческой силой воздух. Так уж озлилась.

– Не чурайся ласки царской. От государя – это как от Небес. А все, что вопреки воли Господа – гордыня и не более. Согласна? – и хмельной государь без предупреждения душевно затянул короткий отрывок из давно понравившегося ему гусельного напева:

– А соко-о-ольники¹² твои-и из Суздали-и... Что молчишь? Ты девка хорошая, скромная. Только молчуни мне не надобны – своих вдосталь. Поднесите ей чарку! А пить не захочет – насилие потчуйте! Пусть язык сам и развяжется.

Уж чего-чего, а Евдокия две вещи в своей жизни делала хорошо: быстро думала и громко кричала. Нет, знала она, конечно, много чего разного, да, и бесспорно, иными навыками всяческими обладала. Но сейчас вот понадобилось явить миру именно эту пару умений.

Поняла она это в тот момент, когда служивые уже грубо хватили ее руки и сильно тянули в сторону стола. Чтоб вопреки любой помехе исполнить каждую волю хозяина. И, знать, это только начало. Видать, не впервой старались, хотя Евдокия и билась как горлица в плетеной ловушке.

Сначала молча. Но ведь визг женский – второй главный раздражитель, подобранный матушкой природой для уха человеческого. После наипервейшего – младенческого рева. Об этом Евдокия знала не понаслышке – полон дом племянников. Ну и своим голосом Господь не обидел.

---

¹¹ Изумруд (устар.)

¹² Чин служащего ловчего приказа в Русском государстве.

Акустическая волна женской ненависти в первый момент даже чуть отбросила-задержала нападавших. Но лишь на миг – разве могут бывшие грозные воины опричнины¹³ остановиться перед бабским визгом. Наоборот, только раззадорились.

Знать, только сам царь от неожиданности опешил-озадачился. И кубок свой на пол из рук выронил. Наверное, именно это государя прогневало.

Словом, сам пытался крикнуть что-то в ответ, да только голос венценосный в один момент даже в хрип перешел. А ведь нужно, чтобы все осознали особо – с царем-то шутки не шутят:

– Сдурела девка! Кому нужна такая припадочная? Заткните ей рот и в мешковину. Пусть там надрывается. Чтобы духу ее здесь через мгновение не было. Крикните Бельского¹⁴ – этот все обустроит. Швырните мешок в трясины, что на Балчуге¹⁵. Там топь даже на Крещение никогда не стыла. Таким лоскотухам¹⁶ здесь самое место.

На дне и охладится. Не желаю слышать о ней более...

---

¹³ Здесь: особые царские отряды, призванные наводить в государстве новый порядок (1565—1572 г.г.).

¹⁴ Богдан Бельский – ближайший сподвижник Ивана IV Грозного, племянник Малюты Скуратова.

¹⁵ Район Балчуг (топь – перевод с татарского).

¹⁶ Особый вид русалок, заманивающих неосторожных путников.

Глава 2. "Жирнован"

Татьяна уже минут сорок старательно искала огрехи в последнем отрывке. Почти готовый текст она обычно распечатывала, брала в руки простой карандаш и по старинке отмечала найденные неточности.

Очень Таня не любила читать свои переводы прямо с экрана. И почему-то обожала работать по утрам. В этом случае все рутинные процессы шли у нее куда веселее.

Сегодня профессиональное вдохновенье пришло особенно рано, и уже к одиннадцати часам Татьяна с опережением своего обычного графика успела накидать очередную главу:

«Владыка ГульШинАльба пришел к женщине Лошмак и сказал, что должна она стать ему странной навсегда. И повиновалась она. И пошла она на отречение от своего лика. И направилась она туда, где впадает слюна бога Так в край Незаметной Дали...»

Несмотря на успехи, Таня чувствовала себя крайне неуютно – ну как можно переводить то, в чем ты совсем не разбираешься. Словом, текст содержал понятия и образы недоступные для современного человека со смартфоном.

Что такое Незаметная Даль, куда впадает чья-то слюна? И о чем эта просьба «стать кому-то странным»?

Впрочем, люди так редко бывают адекватны друг другу, что скорее всего женщина Лошмак для выполнения задания ГульШинАльба ничего специально не делала и могла оставаться сама собой. Такой же замороченной, как и большинство из нашего ежедневного окружения.

Перевод текстов индейцев майя, записанных в свое время монахами-конкистадорами уже на более привычном испанском, давались Татьяне с большим трудом. Особенно в сочетании с первой беременностью.

Видимо, будет все-таки девочка. Таню не тошнило и чувствовала она себя прекрасно. Только очень быстро уставала и гораздо хуже соображала.

Впрочем, текст одного из памятников потерянной культуры с кричащим о своей абсурдности названием «Жирнован», и без ссылки на трудное положение переводчицы, был совсем непрост. Прежде всего для осмысления.

Для верного перевода самим монахам нужно было чувствовать себя на месте коренных жителей Мезоамерики. Но покорители диких, по их мнению, племен вряд ли погружались глубоко в психологию насильно окормляемых народов.

Впрочем, спасибо им и за такой поверхностный интерес к исчезающей культуре. Правда теперь Тане приходилось работать за всех сразу, кто был хоть как-то причастен к цепочке создателей этого текста.

Голова кругом: так что такое «отречение от лика»? Может, просто маску надела или модный макияж нанесла, а может и замуж вышла. С переменной фамилии. А потом недалеко и до «края».

Про замужество Таня знала почти все. В теории. Впрочем, в возрасте тридцати и более лет подобные знания приходят из достаточного количества внешних источников. И из чувства внутренней необходимости положенных в ее возрасте «глупостей». Для полноты ощущений.

Но обстоятельства ее личной жизни все-таки уже сильно напоминали поговорку: «не было гроша, а тут алтын». «Тут» в наличие был и мужчина, и долгожданный собственный ребенок, уже находящийся под ее сердцем.

«Отречение от лика» – так ведь, кажется, в переводе предположительно называлось узаконивание личных отношений – давно просилось само собой.

Впрочем, порой легкомысленный, но трудолюбивый синеокий симпатяга Гена Левашов и без этого считался ее жизненным спутником. Что, видимо, позволяло сохранять ему «статус

кво»¹⁷ – не беспокоиться о ЗАГСе, если ты и так почти муж. Во всех смыслах и на полном серьезе.

А Тане так хотелось новой фамилии, глупостей с платьями, стильными подружками невесты и, главное, кольцами. Тем более, что Гена ювелиром и работал. И мастером был хорошим и талантливым.

Другое дело, что своих постоянных клиентов, для которых существуют серьезные конторы, Геннадий здесь только завоевывал. Изю всех сил. Ведь он появился в Москве всего три года назад.

Приехал из Екатеринбурга, и со временем его мастерская под многообещающим названием «Золотой ринг» – имея ввиду Ring, как кольцо – приобрела первый островок стабильности. Это был постоянно действующий договор с небольшой, но солидной сетью ломбардов, которые подбрасывали Гене на кусок хлеба с маслом.

Был Геннадий универсалом. Не чурался драгоценных камней. Особенно любил, почему-то, работать с изумрудами. Золото было его коньком. И даже с медью работал. Хоть и говорил, что не лудильщик, но нравилось оно ему.

А серебро терпеть не мог. Редко этот металл в его руках видели, даже в вампиризме подозревали. Говорит, не нравится ему работать с ним, и все тут! Не мой, видите ли. Что за каприз?

Выпрашивала как-то у него Татьяна массивные серебряные серьги – очень такие ей шли. Сделай и сделай – ни в какую. Хочешь такие же золотые сконструирую?

Впрочем, финансов на такие же из золота у него хоть и хватало, а все шло в его «дело». «Ладно, похожу с такими же, но старыми. Или совсем без сережек», – усмехалась «вечная», но уже сильно беременная невеста...

...Подруга семьи Милена Удачина, а для некоторых друзей просто Мила, прибыла к ним как скорый поезд – стремительно и по расписанию. Как правило это означало только одно – вторая пятница месяца.

Иногда она приезжала спонтанно, но в середине каждого последующего месяца это были неизменные дружеские посиделки за чаем. Ну или кому чего врачи разрешают.

Словом, Мила с Геной «ударяли» по вину или каким-то вкусным дистиллятам, Таня же – в связи со своим положением – по отварам ромашки, мяты и прочим продуктам аптекарских огородов.

Темы были «за жизнь», а если точнее, то чаще обсуждали непростую судьбу Милы. А ее «фартовая» фамилия в глазах многих никак не вязалась с ее бытием: она была не замужем, да еще и с ребенком.

А вот с претендентом на роль отца для сына не на словах, а на деле так и не определилась. Вроде был постоянный кандидат, да только в теории. Зато выбор «о ком говорить» у компании был очень прост.

Центральное место в очередную пятницу снова занимало имя «Роберт». Именно так звали Милкиного «сердечного» друга.

И не мудрено: по рассказам он был женат, в меру вспыльчив и достаточно богат. Ну а какие еще качества нужны для поддержания имиджа успешного во всем и самодостаточного мужчины? По крайней мере, на первый взгляд тех, кто был уже давно пристроен. Все просто.

Но опытный глаз матерой охотницы сразу найдет сложности. Например, это только кажется, что члены семьи с каждым годом все более надоедают друг другу. И жена такого кандидата – легко преодолимое препятствие для уставшего от нее мужа. Ну, у кого как. Ведь мужская лень – родная сестра привычки, которая, как известно, дается свыше. Поди раскачай такого.

---

¹⁷ Здесь: Оставить всё так, как есть (понятие в праве).

Или вот богатство – отличное «приданное» к интересному самцу. Но здесь тоже не все гладко. Ну, во-первых, сразу понятно, что скорее всего, кроме богатства есть еще и мозги, которые могут раскусить природное женское коварство. Если они только включены при взгляде на свежую приманку.

И тем не менее, с богатством порой растет и сопутствующее чувство подозрительности: «Нужен ли ей я со всеми моими недостатками, кредитами и долгами? Не устанет ли она скоро от моих яхт, домов и полей для гольфа?»

Словом, обычные комплексы и заботы о ближнем на фоне чрезмерного материального благополучия. Все это тоже может помешать новому шагу друг к другу. Очень уж самцы «пугливы». А нужно сказать, что и Гена, и Роберт были в этом довольно похожи.

И все же Мила из-за Робертовой жены была значительно дальше от своего счастья, чем Таня. Словом, было что обсудить. Но почему-то именно сегодня Мила совсем не хотела об этом говорить. И все же хозяева дома не могли моментально отказаться от привычной темы и периодически возвращались к ней.

Особенно без заминки желала чужого счастья беременная Татьяна. Мила же «всеми конечностями отбрыкивалась» от забот подруги. Даже в сердцах произнесла: – Ну что мне сделать-то? Доказать Роберту, что жена ему изменяет?

– А она ему изменяет?! – затаила дыхание будущая мать. – Во как?! – удивленно вторил почти отец. Мила вышла из себя: – Да с чего вы решили? Я понятия не имею. И знать об это не хочу.

– А нужно чтобы изменила! – Татьяна, умудренная теоретическими знаниями о сериальных ТВ-изменах, спешила дать практический совет.

– С кем? У тебя есть какой-то претендент? – Мила даже привстала: – Или, может, кастинг устроим? Или, вообще, Гену в качестве «приманки» предложишь?

– Пусть только попробует! – Татьяна вспыхнула и угрожающе посмотрела на мужчину: – Ну а с другой стороны... А что?! Генка бы справился! Да, милый?

Расслабленный и немного пьяный Геннадий недовольно уставился на Таню. Краем сознания он хорошо понимал, что это была ловушка. И по всем правилам любовных провокаций тут же был обязан что-то сказать.

При этом его слова не должны выглядеть явным отказом и, одновременно, без усилий напоминать однозначное «Нет!»

Однако в условиях повышенного тонуса подруги он лишь осторожно заглянул ей в глаза. И не найдя там обычных для скандалов подсказок, постарался с ней не спорить: – Конечно!

Таня торжествующе посмотрела на Милу: – Вот видишь, он согласен, – и интенсивно погладила Гену по спине: – Не сомневалась в тебе!

Гена опасливо смотрел на этот «пузатый» энтузиазм. Видимо хорошо понимал, что еще слишком многого не знает про перепады настроений.

– Тань, тебе не кажется, что это перебор? Ты только что предложила подложить своего мужика под другую, – Мила уже не понимала, на сколько сказанное можно воспринимать всерьез.

– Скажешь тоже. Никто никого не подкладывает. Ну, может, чмокнет ее пару раз, – Таня пристально уставилась на Гену: – «Чмокнет», слышишь, а не взасос. Иначе убью... Нам, главное, фото хорошее сделать. И твоему Роберту прислать. На тебя никто и не подумает. Конечно, лучше, если бы она искренне влюбилась.

– Таня, ты аферистка, – немного захмелевшая Мила внезапно почувствовала приступ смеха: – Это так странно. Впервые встречаю беременную аферистку.

– А я с ней каждый день... Правда раньше она была не беременная. Но здесь сам вино-ват! – своевременно произнес Геннадий, после чего смеялись уже без удержу.

– Дураки, прекратите! Еще немного похочем, и я прямо здесь рожу, – удачно подытожила вечер Татьяна.

Шли дни и недели. Мила надеялась, что безумная идея уже забылась. Но та, как однажды произнесенная и близкая тебе по духу удачная шутка, напротив, прочно засела в голове у Тани. Подруга с поводом и без временами вспоминала свою затею. И говорила то с Милой, то с Генной десятки раз.

И чем больше они от нее отмахивались, как от назойливой мухи, тем активнее эта идея преследовала ее. Когда количество напоминаний перевалила за полсотни, Мила, наконец, сдалась. Только спросила: – Ну и как ты собираешься это сделать?

– Гена все придумал! – без тени сомнения произнесла Танюша. Ничего не подозревающей о своей судьбе Геннадий был обречен...

...Профессор Степан Валерьевич с забавной фамилией Жимолость, кроме того известный среди своих друзей по не менее фривольному прозвищу «Стэн», частенько навещал ювелира Геннадия Левашова.

Они даже приятельствовались. Хотя и имели между собой почти полуторакратную разницу в возрасте. Стэн близился к пятидесятилетнему юбилею, а Гена совсем недавно аккуратно миновал столь важный для любого мужчины возраст Христа.

Степан заходил к Гене по разным прагматичным поводам. И даже просто так – он тоже тяготел к прекрасному. Было тут на что полюбоваться: кольца и браслеты с печатью времени, какие-то флаконы и портсигары от Фаберже¹⁸ – почти музей.

Но чаще всего появлялся по делу – Стэн коллекционировал карманные часы. И приносил то одни, то другие на чистку и смазку исторических внутренностей.

Причем профессору было абсолютно не важно, смещаются ли их стрелки под действием упругих пружин или их блестящие инкрустированные бока совершенно беспечно и без всякого движения протирают свои обитые бархатом футляры. Регламент есть регламент. Чтобы смазка не густела.

Было у Стэна два особенных увлечения. Первое – женщины. «Ну и что в этом удивительного?» – спросите вы. И будете правы. Но все-таки чувствовалось в этом что-то необычное. Ведь Жимолость, и его избранницы действительно увлекались друг другом не на один раз. Да что увлекались – прямо-таки любили.

Каждый раз не влюбляться, а, именно, преданно и долго любить – этак сейчас бывает далеко не у всех. Особенно в наш век виртуальных эмоций и разовых впечатлений. В общем, не искали они легких путей.

Звали нынешнюю любовь профессора Аня. Но это для внешнего мира. Ее настоящее имя было Айникки, что означало «единственная». Корнями и она, и ее имя были из Северной Карелии.

Интересная. Немного на анимешку¹⁹ похожа. Красавица. Изучала Айни биологию и про себя говорила так: – Мой фенотип²⁰ – «лаппоид»²¹.

Что это все означает, мало кого интересовало, но звучало загадочно. Страшно была образованная. Она же и придумала имя «Стэн». Степану понравилось. Было ей, кстати, лет тридцать. Почти как Геннадии. А на вид и того меньше.

А вторым увлечением Стэна была работа. Ну это-то обычное для нас дело. У некоторых как раз офис давно на первом месте. Хоть и утверждаем обратное. Но будем справедливы: часто ли ежедневный труд – наше увлечение?

---

¹⁸ Карл Фаберже – известный российский ювелир и глава одноименной ювелирной компании (конец XIX - начало XX века).

¹⁹ Здесь: особое изображение людей в японской анимации.

²⁰ Совокупность характеристик организма, вызываемых генетикой, факторами внешней среды и мутациями.

²¹ Монголоид Северной Европы с небольшим европеоидным влиянием

Степан Валерьевич был фитопсихологом. А в ряде случаев и флоропсихиатром. Многие понимали это определение, как науку о влиянии растений на человеческую психику. И лишь некоторые спрашивали: – Психология растений? А так бывает?

Впрочем, знания Степана Валерьевича как раз и касались грани этих двух определений. Именно взаимное влияние зеленого и человеческого мира друг на друга и стали со временем основной его специальностью.

В течение короткого времени мог он сделать благодаря своей профессиональной эрудиции такие неожиданные выводы или прогнозы, что Гена только диву давался. Так уж точно все сбывалось или с неожиданной стороны поворачивалось от этих научных экзерсисов.

Например, как-то раз Степан, в тот момент «гонявший» в мастерской Геннадия чай, посоветовал ювелиру не принимать в работу мужское кольцо-печатку от степенной дамы самой благообразной наружности.

Пришедшая женщина держала в руках четыре бордовые розы и говорила, что «мол это любимое кольцо ее покойного супруга». И прямо сейчас она едет на кладбище, чтобы помянуть усопшего.

Вдова просила вставить копию камня вместо довольно крупного продолговатого бриллианта. Денег, мол не хватает, а кольцо на память о муже хотела оставить. Так что вы уж сделайте один в один, сможете? Чтобы покойный остался довольным.

Вот только откуда Стэн узнал, что кольцо ворованное? А женщина – лишь работница клининговой компании, которая случайно раздобыла код от домашнего сейфа в каком-то коттедже, выкрасила кольцо и хотела его подменить. Глупый, конечно, план. И относительно мелкий куш. Но ведь принес бы конторе неприятности.

Откуда Степан Валерьевич мог понять, что через пару дней и женщину, и кольцо будут искать довольно неприятные и убедительные люди в коротко стриженными затылками? Но он и их сумел переубедить и вовремя выпроводить восвояси.

Тогда Степан Валерьевич говорил, что увидел все это в розах. Навыки на грани мистики. Но очень полезные. Особенно в неординарных случаях. Вот почему Гена, немного растерявшийся от необходимости «соблазнения под заказ и, одновременно, без измен», и решился посвятить необычного профессора в свое действительно сложное дело...

Глава 3. "Вопросы врачевания"

Сделал государь шаг в сторону и запнулся обо что-то. Да и не то чтобы споткнулся – просто шаркнул ногой. И толкнул обувкой сафьяновой этакую нелепицу. Покатилась она по полу и будто искоркой зеленой полыхнула.

Хоть мгновением ранее и утащили прочь строптивицу-зеленоглазку, а та словно напоминовение о себе специально оставила. Пригляделся царь, что ж там под кроватью: – Митька, подай-ка вона ту закорючку...

Взял в руки и даже чуть оторопел. Оброненная прежней гостьей в неравной борьбе серебряная сережка была с точно с таким же камешком-изумрудом. Что и преданный Эйлоф царю прежде преподносил.

Живо государь сей момент представил – заставлять себя не пришлось. Без всякого приглашения в памяти беседа давнишняя всплыла...

– Ох, Джованни, ну и готов же ты сочинять. Только сильно не завирайся. Сам знаешь, что не один ты про это ведаешь. Еще и от поляков известия есть о тех далеких землях.

Словом, удивишь – награжу, а расстроишь – уж не обессуживайся, – произнесенная мимоходом насмешка была, как обычно, не шуточной, а царской. Которая наравне с наградой означала и слишком большие беды для рассказчика.

Впрочем, обращался царь со своим личным доктором – голландцем Эйлофом, которого называл на искаженный латинский манер Джованни, все более ласково. Даже голоса старался не повышать.

А как иначе? Был ведь тот хранителем наиболее важного. Не только государева здоровья, но и, даже, самого царского живота²².

А порой и развлекал он царя разговорами, на темы от правления далекими. Хотя всякая тема для уха царского – к заботе о благополучии земли отеческой. Любое знание можно применить с пользой для государства. И чем больше властитель ведает, тем, обычно, его холопам спокойнее. Хотя и не всегда.

Словом, слушал Венценосный внимательно, а рассказчик был последователен и выразителен:

– Господарь, как можно. Только правду расскажу. Папа нынешнего короля гишпанского Филиппа II – Карл V Габсбург вручил как-то своим подданным королевское благословение на завоевание земель Нового Света.

Много там уделов было захвачено, да только столько же еще оставалось. Вот мой дед в сем походе и поучаствовал. Тянуло его на пути дальние. Вот и я, Batushka Tzar, как видишь, тоже этому последовал. Только дорога моя была в другую сторону. На русскую землю.

– Ну про тебя я все знаю, – государь был нетерпелив: – Хотя, постой! Никогда ты не говорил про своего деда. Почему? Расскажи-ка ты мне про новые земли. Толком ли поведал твой предок про свое путешествие?

– Говорил во всех подробностях, государь. Плыли они к неизведанным землям долго. А как достигли их, то было им большое удивление. Но чтоб туда добраться, преодолели эти люди беды великие.

Бури испытывали их одна за одной. Корабли их немалые казались блохами, прыгающими по поверхности превеликого моря-океяна. Наконец показалась Земля...

В этот момент думал о чем-то царь. Может о морских пучинах? Или напротив, о тех землях, из-за которых такие испытания иметь необходимо. Поднял глаза на рассказчика. Спросил, наконец:

---

²² Жизни (перевод со старорусского).

– А что правда ли, что живут на море сирены, похожие на баб земных, но с рыбьим хвостом? Которые и приводят своими песнями и плясками корабли на камни подводные? Или адовы чудовища, что из больших ноздрей сбивают водяными потоками мачты у кораблей?

– Не могу утверждать, dominus²³. Не принято морякам говорить о бедах, если только не для бахвальства перед бабами. Или за чаркой эля.

Да только дед мой с определенных лет совсем пить перестал. И где-то его рассказ про сам морской поход затерялся. Однако, видимо, трудно пришлось, если он домой без руки заявился.

– Ну ладно, удивляй далее про земли, коли про морские пучины от деда не уразумел. – казалось, что царь разочарован отсутствием такой важной части повествования:

– А верно ли, что жили там люди дикие, а король Гишпанский их в свою веру обратил? Были у них государства и свои правители?

– Все так. Люди, которых никто до того не видывал, ярости заметной. Великаны и карлы.

Бряд ли помазанника убедили слова про злость местных воинов: – Ну, знать, не настолько яростны были, что гишпанцам подчинились. Впрочем, не впервой так происходит.

А девицы тамошние? Хоть про баб-то земных твой дед говорил, коли про морских дев умолчал. Они каковы?

Эйлоф отвечал, совсем не задумываясь. Чувствовалось, что его уважаемый предок постарался передать внуку самые важные для юноши знания:

– Красивы, только часто косоглазы. Иной раз родители специально бусинку на нитке к челке на лбу с детства привязывают, чтобы глаз косил. Такой уж вкус.

– Вот дурни. Зачем же так девок скривлять? Экие нравы необычайные. Хотя порой и наши столько на себя повесят, что лучше бы одну бусинку. И что, говорят, почти нагие ходят?

– Да, господарь, правильно ты заметил – нравы у них совсем иные. А хочешь, dominus, сказку из тех мест?

Есть там священный колодец, в котором проживает Бог Дождя. Так утверждают колдуны тамошние. Так именно туда бросали все золото, что отбирали они у завоеванных племен или выторговывали у купцов тамошних.

Потому что сами эти воины-победители не знали для чего оно им иначе нужно. Так мой дед и не нашел там золота – все немного, что есть, так и осталось на дне колодца. Не достать. Но были у них другие драгоценности.

– И что же за богатства они себе напридумали? – властитель явно заинтересовался этой темой.

– Где-то в далеком и густом лесу, а где именно дед не признался, есть еще один колодец природный. Говорят, живет там не водяной, а их лесной Бог.

И правда, воды там совсем немного, но все-таки полон он до краев. Предок мой так и не сказал мне, как его найти. Но осталось от него... Вот! – Джованни открыл широкую ладонь.

В самой ее середине лежал гладкий зеленый камешек причудливой формы. Напоминающий крупное зернышко неизвестного растения. Пододвинул руку к царю:

– Вот чем полон тот колодец, господарь! От самого дна и до поверхности заполнен он вот такими смарагдами.

А еще я знаю, что меняет камень сей цвет при глазе и лжи. Знания про свойства камней мне дед привил. И их колдовские свойства он у колдунов тамошних познал. И тайны нумерологии, в которых и я теперь мастер.

– Знать не доберемся мы до этого места никогда. Да и много изумрудов – еще не счастье. А этот смарагд мне отдай.

– Конечно, он уже твой, dominus. Камень иссушает силы ядов. Всегда пей, кинув его в кубок...

---

²³ Государь, владелец (перевод с латинского).

...Помотал головой государь из стороны в сторону. Вроде отпустил его этот сон-наваждение. И ведь все, как наяву, снова увидел. Вот уж правда колдовские камни. Или просто хмель былая опять вернулась?

– Лекарь твой приехал, государь! Джованни... Пущать? – известие от слуги, и впрямь, всколыхнуло душу царскую. Как же лекарь вовремя появился. Только вспомнил, а тот уже на месте.

Вот он по лестнице поднимается в глубокой задумчивости – видать разглядел мешок шевелящийся, который слуги ему навстречу к возку тащили. Не каждый день такие картины узрешь.

– Проходи-проходи! Как поживает мой любимый врачеватель? И я жив, спасибо Господу! Вот видишь, что-то жарко мне стало, совсем рассупонился. Печь натоплена больно сильно. Да ведь жар костей не ломит.

Выпьешь что-нибудь? А я еще попью. Теперь почти без всякой опаски могу глоток делать, ведь снабдил ты меня своим камнем от всяких ядов. Кидаю в кубок и осушаю без сомнений.

Эйлоф с почтением слушал царскую речь. Выглядел его пациент много бодрее, чем вчера. Но все же не стоило сегодня сразу предаваться таким хмельным чрезмерностям. О чем лекарь не преминул царю со смирением напомнить:

– Ну ты бы, государь, все равно себя поберег. Ведь камень может только снизить эффект от ядов, а не совсем их искоренить. А тем более, если количество самого питья будет принято сверх всякой меры, – Эйлоф учтиво поклонился.

Но хмельной царь был известным знатоком дискуссий. Как и каждый из нас в схожем состоянии, знал, когда поставить шах королям вражеским.

Тут помазанник и раскрыл ладонь, на котором лежали два зеленых «огонька» – подарок лекаря и сегодняшняя находка:

– А я теперь, видишь, уже два камня могу пользоваться – так оно в моем случае надежнее. Еще лучше от яда оборониться можно. И от питья излишнего.

Эйлоф на секунду даже остолбенел. Это была одна из двух сережек, что он специально сделал для своей Евдокии. Лишь пара камней из дедовской горсти изумрудов, а ведь всю жизнь их когда-то перевернула.

И история тайной любви с его милой Дуняшей в момент пробежала перед его глазами. Ни одна живая душа про их чувства встречные и не знала. Ну, пожалуй, кроме подмастерья, который весточки между любящими сердцами переносил.

Понял лекарь, что произошло с ней какое-то страшное несчастье. Нутром почуял – ведь это она была в том шевелящемся мешке. Слышал эскулап, что случались такие истории во дворце царском с девками и бабами, насильно на улице схваченными.

Что де некоторые с наградами постыдными к мужьям и семьям возвращались. А те, кто понесговорчивее или поболтливее, так и вовсе пропадали.

Как камень в воду. Или мешок, что недавно видел. Словом, таким образом, что никто потом и разыскать вовек не сумел... Спросить бы. Но как тут поинтересуешься. Да только государь сам прервал его размышления:

– А говоришь, вроде как ты последний камень мне вручил. Негоже царю врать. Пошто только один отдал – силу камней уменьшил?

Нужно что-то сказать в ответ. Да что тут за такой короткий срок надумать:

– Ан нет, государь! Нечетное число камней, собранных воедино, дают эффект совсем обратный!

Усмехнулся царь. Решил не гневаться:

– Ты ученый муж, тебе виднее! Хотя, как по мне, чем больше – тем и лучше. Вот ты магии повелитель, а, видать, не всегда знаешь свой «предмет». Такие камни как лучшие женщины: чем крепче яд, тем крепче любовь их. И память.

Женская память-то ничего не забыла, не стерла, память просто ждет. Может нового дня, а может какой-то блошки, которая вовремя, с самого утра укусит ее правую ногу. Чтоб она ступила с другой – левой. И все вспомнила. Память в этот момент и возвращает долги. И я их всех помню.

Словом, камням и женщинам неважно, чет-нечет. Не угадаешь. Уж я-то знаю. Вижу, что возразить хочешь? Не сегодня – устал я. Ладно, ступай...

Не вышел Эйлоф из покоев царских – выбежал. Почти впрыгнул в возок и погнал лошадей, что есть силы. В надежде догнать слуг государевых с их драгоценной поклажей. Искал он Евдокию по дворам и улицам, под мостки заглядывал, да только нигде следов ее не сыскать.

Вечерело. Прознал лекарь, что и Дунины домашние хватились дочку на закате. И весь следующий день провели в поисках. Только все без толку. Никто на царя ведь не укажет и с людей его не спросит.

А еще поговаривают, что кидают таких неугодных в Гнилую топь, которая из-за газов болотных и в самые лютые морозы готова завсегда новую жертву в себя впустить. Откуда такое известно? Все просто: тайну ведь люди оберегают. Да только они и сами порой не готовы ее хранить вечно.

Ведь факт знания секрета возвышает человека, делает его особенным и значимым в своих же глазах. Млеет тогда тайнохранитель, ох как радуется!

Ну а может ли человек не поделиться своим восторгом? Правда-не правда – не умолчит. Вот так секреты великие на поверхности и оказываются. До всех добираются.

Второй день в неустанных поисках. Валится Эйлоф с ног. Вот она дорога черная до места ненавистного. Снега выпало по пояс, но дороги-то проторены. И грязюка еще по пути туда начинается – везде белый след от саней, а в направлении на Болото – сразу буро-черный. Словно сама земля путнику об опасности напоминает.

Добрался до места ненасытного, где люди и звери бесследно исчезают – да что толку? Топь – она и есть топь. Тихо и пусто, как на зимнем погосте. Только ветер завывает, да местами камыш сухой топорщиться. И кустарник над снегами чернеется.

Вот тогда затмила ненависть окончательно, почти задушила сознание Эйлофа. Считал он царя-помазанника своим покровителем и отцом родным.

Был лекарь ему преданным спасителем, хранителем тайн и даже советчиком. Сколько раз вместе дела делали.

А теперь принес ему государь беду, доставил тьму в самое сердце. И не важно знал царь или нет про чувства своего Джованни. Уверен был лекарь, что даже если бы государь и ведал – все равно с задуманного безобразия не свернул.

Уж такая участь царская. А, значит, достоин тот смерти. Но не простой, а соответствующей своему званию высокому.

Ближние бояре давно и так, и этак к царскому здоровью подбирались. Самое время для них пришло, свое влияние с царя на наследника его блаженного в безраздельную собственную власть преобразить.

Оставалось только государя-отца извести. И лишь лекарь совсем недавно был для них непреодолимым препятствием. Поил врачеватель владыку земель русских различными противоядиями, хотя бы от немедленной беды отводящими.

Царь пусть болел, но держался. Умри государь мгновенно – кто в его окружении ближе всего к царской плахе? Было бы кому Джованни убийцей назвать. Ну хотя бы для того, чтобы от себя подозрение отвести. Знать, смерть царя должна наступать не сразу. И произойти, когда на лекаря никто и подумать бы не смог.

До сих пор Джованни такого еще не делал. В основном ведь поднимал на ноги, а не умертвлял. Вот и решил тогда Эйлоф у царя в дорогу отпроситься.

Сначала, чтобы найти нужные составляющие будущего напитка. А затем уж и снова отъехать, чтобы в момент ухода царя на тот свет рядом не присутствовать...

Именно сегодня царь был в настроении. И предложение нового лекарства от Эйлофа – Эликсира молодости, что вспять годы поворачивает – воспринял с преудовольствием.

А вот идея долгого отсутствия врача была обречена. Даже для поиска «див-травы» – необходимой добавки в чудо-средство, никак царь не хотел надолго отпускать любимого Джованни в северные края. Мол, сходи-ка ты прежде в Запретный дом.

Запретный дом на Балчуге мрачным своим видом полностью оправдывал и свое название. И вот уже который год пугал обывателей града Московского. Темная хоромина²⁴ за высоким забором, где каждый находил свое вдохновение для собственных страхов..

Вот уж поистине внешний облик полностью соответствовал содержанию. Именно сюда свозили государевы слуги для потребы самого царя сильнейших колдунов и вещей людей с окраин Московии.

Мало находилось желающих, кто решался пройти хотя бы рядом с оградой, а уж внутри и подавно бывали единицы. Стрельцы, что охрану несли, да ближайšie царевы соратники. А последнее время и тех вовсе поубавилось.

Лишь Богдан Бельский – ближний царев слуга, что всем этим хозяйством ведал, регулярно терем навещал и допрос его странным насельникам учинял. Узнавал у них как каждый день для государя сложится. Что звезды, кости и духи про будущее скажут. И без задержки с докладом во дворец.

Узнал, что Эйлофу дорога в Запретный дом назначена, и тут же его к себе вызвал. Долго и хмуро смотрел на лекаря, будто подозревал его в чем-то.

И наконец строго-настроено наказал врача: не дай бог, кому рассказать про то, что он сей хоромине увидит. Даже царю. Зачем же государя столь страшными сказками от дел великих отвлекать...

---

²⁴ Дом, жилое здание, обычно с высоким забором

Глава 4. "Любовь и прочие сложности"

Предстоящая командировка Стэна на Международную сессию фитопсихологов в Вене не предоставляла заговорщикам дополнительного времени для долгого рассусоливания и обдумывания.

Но и промахнуться мимо цели было не в правилах этих мужчин. Стэн, согласившийся на странное и авантюрное предложение приятеля, воспринимал причуду Гены, как какую-то вынужденную меру:

– Ты только, и правда, не увлекись. Как в прошлый раз?

– В прошлый раз? Какой? О чем вы? – Гена и совершенно искренне удивлялся.

– Ладно, не мое это дело, – казалось, что довольно отвязанный Стэн в вопросах чужой личной жизни действительно испытывает неловкость: – Я тебе помогу. Но назад пути не будет. Просто будь осторожен – все-таки отбиваешь чужую жену, понимаешь?

– Даже и в мыслях не было, – Гене казалось, что ему, и правда, верят: – Наоборот, соединяем любящие сердца. Это же театр. Не взаправду.

– Ну нет, так нет. Я без занудства: человеку дается рай свьше, а ад «сниже». Но и туда, и сюда ему требуется время, чтобы добраться. И если бы у него была вторая жизнь, то поверь мне, он успевал в оба места.

Уж больно любит всякий индивидуум новые впечатления. Согласен? Ну а раз жизнь одна, то и выбор за тобой. Все еще уверен, что стоит продолжать? Тогда только вперед. Приступаем...

...Миловидная незнакомка – этакая неуловимая помесь скандинавки и японки-полукровки совершенно неожиданно обратилась к Видане в магазине нижнего белья: – Ах, простите, пожалуйста... Сможете меня выручить? Вы не подержите этот букет?

А то на работе подарили, а он из таких красивых, но очень хрупких цветов – никогда раньше не встречала. Еще вот и конверт дали, вместо подарка на День рождения.

Как всегда в офисе, вы же знаете... когда не понятно, что подарить. А моя слабость – дорогое белье. Вот я в обед сюда и сбежала.

Видана улыбнулась в ответ – она тоже обожала бюстгальтеры этой фирмы. И как-то сразу прониклась к девушке доверием:

– Ой, это поразительно! У меня завтра тоже день рождения. Какие же чудные цветы! Никогда таких не видела. И пахучие. Даже голова закружилась. Удивительно приятное сочетание. И для глаз, и для носа.

– У вас завтра день рождения? Не может быть! Вот совпадение! Мы одного знака зодиака. Такие противоречивые – сами знаете. Но очень женственные, – «японка» обезоруживающе улыбалась: – И я очень хочу вас поздравить, не отказывайтесь!

Давайте поделим подарки: себе я куплю белье, а у вас будет этот букет. Тем более он вам так понравился. Вы только не спорьте со мной. У меня-то праздник уже сегодня. И это мой каприз новорожденной.

А ваши грезы все будут выполнять только завтра, – и девушка с хорошим чувством юмора и ворохом бюстгальтеров в руках гордо «поплыла» в сторону примерочной.

Видане букет, и на самом деле, приглянулся. Она принесла охапку домой с таким блаженным видом, что ее муж Роберт даже не решился спросить, откуда цветы. И, наверное, не рискнул ревновать.

А дома хозяйка и вовсе сошла от них с ума. Ей казалось, что эта композиция, как выключатель моментально повышает настроение. И неуклонно заполняет пространство всепроникающими нотками со странным сочетанием клубники и апельсина, мускуса и луговых колокольчиков из детства.

Запахи изредка повторялись и задумчиво кружились. И как будто медленно поворачивались к Видане то одной, то другой гранью такого эфемерного и несколько подзабытого ею привкуса настоящего женского счастья.

Душа желала ярких эмоций, раскрывалась навстречу миру, хотелось мурлыкать знакомые мелодии. Голова была легка, а сердце, напротив, полно предчувствий чего-то самого-самого и только наилучшего. И даже ее день рождения, последние годы проходивший, как почетная обязанность, воспринимался уже с энтузиазмом.

Вообще, именинница давно не испытывала чего-то подобного. Разве что в детстве. Впрочем, там успела хлебнуть лиха. Ведь именно таким образом весь свой ранний возраст и прожила девочка с именем Вика.

Дело в том, что ни старшее поколение родных, ни отец никак не признавали экстравагантности ее матери. Которая дала ей странное имя Видана и, вильнув крутыми бедрами, умчалась навстречу новым ощущениям.

В общем, ушла к другому. А может и другим – нельзя точно сказать, сколько было у нее мужей после папы. Больше родные «вертихвостку» не видели.

А Вика выросла под присмотром бабули – отец всегда на работе или у других женщин. И иногда даже пропускал ее дни рождения. Вот почему эти праздники она не очень любила.

А в момент совершеннолетия «сирота» вопреки логике и здравому смыслу все-таки переименовала себя именем по метрике – Видана. Мстила, наверное, за что-то. С тех пор на обращение «Вика» и настойчивые звонки отца она не отзывалась.

Да и в более поздние годы праздники по поводу очередных прожитых лет, у Виданы порой проходили неважно. Так на одной из работ попала ей начальница с какой-то торжественной фамилией Царская.

Как ее предки в годы сурового военного коммунизма и прочей идеологической дурости сумели пронести такое вражеское прозвище до наших дней – уму непостижимо.

Но женщина и правда была властная и, видимо, приходилась десятой воде на киселе кому-то из старинного рода Салтыковых. Уж больно замашки у нее были, как у известной барыни-садистки²⁵, что в конце восемнадцатого века несколько десятков крепостных извела «вусмерть».

И особенно, как и прежней своей исторической наставнице, нравилось ей изводить свой секретариат да бухгалтерию. Где концентрация женского пола традиционно много выше.

Прямо порой трясло Царскую от существования кого-то еще, кроме нее на этом свете. Особенно, если этот «кто-то» – «в юбке». И не дай бог моложе.

Но как у любого настоящего палача, были и у той минуты слабости. Не могла она день ото дня отходить ко сну с грехами, не отмоленными и никем толком не отпущенными. Вот и устраивала порой Царская себе отдохновение. Зайдет бывало к подчиненным в любой отдел на чей-то день рождения и поднимет торжественную здравицу за именинника. И не запрещала ведь праздновать. Тоже человек.

Правда от тоста этого простодушного все за столом стоящие так и норовили раствориться в окружающих стенах. Чтобы начальница не заметила именно его или ее. А затем, не мешкая, Царская бросала через плечо что-то типа «Ладно, празднуйте» и резко выходила.

И беда, если еще на минуту останавливалась. Потому что произносила она в эти мгновенья свое тихое и роковое, обращаясь обычно к имениннице-женщине: – Лапочка, а зайди-ка ты ко мне!

---

²⁵ Салтычиха или Дарья Салтыкова – русская помещица, за издевательства и убийства приговоренная к пожизненному заключению в монастырской тюрьме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.